

К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ ТВОРЧЕСТВА ОБЭРИУТА А. И. ВВЕДЕНСКОГО

А. Н.Силантьев, О. Н. Южакова

Рассматривается проблема определения адекватного концептуального и культурно-исторического контекста интерпретации творчества поэта А. И. Введенского, участника содружества обериутов (вместе с Н. А. Заболоцким, Д. И. Хармсом, Н. Г. Олейниковым), одного из представителей русского авангарда первой половины XX века.

The article proposes some basic points for the problem of definition autentical and adequate conceptual, historical and cultural frame and context for interpretation of lirical and philosopical poetry of Alexander Vvedenski, who was one of the few authors of Russian avangarde in the 20-th century.

Детальная разработка модели дискурса, осуществленная в первом выпуске сборника «Язык. Текст. Дискурс» в статье Г. Н. Манаенко [1], позволяет прибегнуть к ней как к теоретическому базису в конкретном изучении наследования текстами одного автора некоторых характерных признаков текста автора предшествующего периода. Для нас существенна конструктивная многоплановость и системность модели, определяющей дискурс в качестве *лингвистического* концепта и отличающая его от омонимичных терминов философского и социокультурного содержания. Именно как термин лингвистики речи модель дискурса позволит ввести формализованные и инструментальные процедуры исследования корпусов текстов в литературоведческие проекты, связанные с решением задач интерпретации.

Модельный подход делает почти очевидной задачу определения дискурсных связей и отношений текстов представителей группы ОБЭРИУ с текстом сочинений и русских переводов Ф. Ницше – «точки отсчета вступления в постмодерн», по характеристике Ф. Хабермаса [2]. Общая характеристика влияния «шпор Ницше» на течения русской культуры хорошо известна по формулировкам обобщающих работ Р. В. Иванова-

Разум-ника [3], Б. В. Яковенко [4], В. В. Зеньковского [5]; в энциклопедии «Русская философия» [6] Ю. В. Синеокая дала итоговый обзор темы «Ницше в России». Очевидно, что последовательность *Ницше – декаденты – символисты – авангард – ОБЭРИУ* составляет как раз одну из составляющих дискурса в смысле упомянутого выше определения; но текстуально она еще, как представляется, не прослежена сколько-нибудь полно по результирующей связи, соединяющей начальную и конечную точки этого хронотопса текстов. Даже в подробных монографиях Ж.-Ф. Жаккара [7] и А. А. Кобринского [8] «начало отсчета» присутствует только в упомянутой общей ретроспективе.

Наше внимание привлекло прежде всего структурное и семантическое одновременно подобие одного из характернейших для Введенского произведений, «Суток», и стихотворения Ницше, образующего один из разделов третьей части его, вероятно, самой известной книги – «Так говорил Заратустра»: «*Раз!/О, вземли друг!/Два!/Что полночь тихо скажет вдруг?...*» [9, т. 2, с. 165 – 166]. Однако у Ницше экспрессия стиля не влияет на структуру содержания, его семантика вполне канонична в рамках набора приемов традиционной поэтической техники романтизма и раннего символизма, и, в частности, обрамляющая структура этого микродискурса – счет времени – не нарушает пресуппозиции воспринимающего – он длится **от одного до двенадцати**. У Введенского же обрамляющая структура задана, но не эксплицитно, а именно как структура дискурса – дифференциальными признаками частей текста. В его счете оказалось **тринадцать** интервалов [10], что прямо соотносится с основной чертой индивидуального поэтического метода, как он охарактеризован Я. Друскиным: «...В стихах Введенского почти в каждой фразе главное направление мысли и погрешность к ней – слово, нарушающее главный смысл» [11]. Если принять текст Ницше за прототип, тезис – прототекст в дискурсе, то легко видеть, что в антитезе Введенского

изменена, модифицирована и общая интенция, модальность текста, которая у Ницше может быть охарактеризована средствами грамматической метафоры как «*Conjunctivus Adhortativus*», а у Введенского остается в режиме «*Indicativus*». Друскин отметил это как внутренний признак данного текста в корпусе: «Еще одна особенность отличает *Сутки* от всех других вещей Введенского: в них чувствуется покой, удовлетворенность, которых обычно в вещах Введенского нет» [12, т. 1, с. 417]. Принимая стихотворение Ницше в качестве значимого элемента дискурса ОБЭРИУ, мы получаем интерпретацию «*Сутки*», а не только структурное описание этого произведения; в частности – небольшой, но, на наш взгляд, эффектный результат – эксплицируется совершенно четко семантика начинающей «*Сутки*» ремарки: «*Ответ. Вбегают ласточка*».

Но если мы теперь знаем, кому направлен ответ, то, продолжая само стихотворение, возникает «*Вопрос. Но кто ты ласточка небес, / ты зверь или ты лес*». Намечаемая интерпретация позволяет видеть в следующей строке: «*Несуществующий ответ ласточки. / Я часовщик*» прямую ссылку именно на рассматриваемые страницы Ницше; но и символизация этой ссылки образом ласточки (в связи с узуальной пресуппозицией русского языкового сознания инициации процесса, хотя – по принципу идиопэтики – в негативном модусе у Введенского) ясна ввиду метафоры культурной методологии, задолго до Ю. Хабермаса установившейся в норме социально-философского дискурса, как он, несомненно, был известен поэту. Более того, объясняется и следующая автохарактеристика ласточки: «*Скажи кто ты? / Тут мрак палат. / Ответ ласточки. / Я солдат. / Я солдат*». В рамках парадигмы, определенной школой Ю. М. Лотмана, достаточно, вероятно, было бы просто ссылки на известные детали биографии «конно-артиллерийского офицера»; но в контексте теории дискурса мы можем привлечь и текстуальные элементы

такого сорта, как автохарактеристика самого Ницше из его проекта письма к Р. Вагнеру при отсылке книги «Человеческое, слишком человеческое»: «Я нахожусь сейчас в положении офицера, взявшего редут; он ранен, но взобрался на верхушку вала и размахивает знаменем» [13, с. 183]. Ж. Делез в «пятнадцатой серии» своей «Логике смысла» пишет о сингулярности-событии: «Битва уловима только для анонимной воли, которую она сама инспирирует. Эта воля – ее следует назвать "безразличием" – присуща смертельно раненному солдату, который больше уже ни храбр, ни труслив, ни победитель, ни побежденный, а вообще за пределами этих различий – он там, где длится Событие, и значит, причастен к его ужасающей беспристрастности. "Где" происходит битва? Вот почему солдат бежит, когда бежит, и поднимается в атаку, когда поднимается в атаку, вынужденный рассматривать каждую временную реализацию с высоты вечной истины события, воплощающей себя в этой реализации и, увы, в своей собственной плоти. И еще, солдат должен долго бороться, чтобы подняться над храбростью и трусостью и достичь этого чистого схватывания события посредством «волевой интуиции», то есть посредством воли, пробуждаемой в нем событием. Такая интуиция отлична от любой эмпирической интуиции, все еще соответствующей тому или иному типу осуществления события. Поэтому самой великой книгой о событии, более великой даже, чем произведения Стендаля, Гюго и Толстого, является книга Стивена Крейна «Алый знак доблести», где герой анонимно назван «молодым человеком» или «молодым солдатом». Это чем-то напоминает битвы Кэррола, где великая суета, огромная черная нейтральная туча или шумная толпа довлеют над сражающимися, обособляя и рассеивая их только ради того, чтобы сделать их еще более безликими» [14, с. 128 – 129]. Здесь Ж. Делез **интертекстуален** в постмодернистской парадигме [15, с. 215] и текст не ссылается на Ницше непосредственно, но интенциональность хронотопа наследует стимулы и

структуры, внесенные на «утренней заре» модерна его пророком. Отметим, что смена модальности у Делеза в режиме онтологического дискурса совпадает с модификацией у Введенского, и обретают новые грани дискурсно порожденного смысла заглавия его стихотворений «Битва» и «Где. Когда» [15, с. 45]. В метадискурсе анализа поэтики Введенского важна ссылка на Кэрролла, получаемая с помощью текста Делеза: конкретная деталь биографии поэта (карточная игра), подобно обстоятельствам жизни Ницше, включается в схему связей с фактами его текста. Трансформация отношений персонажей «Алисы в Стране чудес» в «агон» реальной ситуации основана на единосущных глубинных значениях стойкости и ясности духа, то есть на *«правильном»*, по выражению Введенского, видении ситуации [11]. Отметим, что несомненная разница в масштабе значений в разных локусах не нарушает их, в терминах современной науки, «калибровочной инвариантности». Это понятие, очевидно, должно быть введено в герменевтику упомянутого термина и в целом поэтического метода Введенского.

Соотнося онтологические структуры «правильности» у Введенского и «чистоты порядка» у Д. Хармса, мы получаем характеристику общности ядра группы «чинарей» [7, с. 73]. При этом у первого эта структура, по У. Эко, является скорее «отсутствующей», но имманентной, а у второго – трансцендентально присутствующей, но не данной. Миф Хармса поэтому архаичен, отсюда, в частности, «антигерои» его знаменитых рассказов, вполне подобные персонажам фольклора ранних эпох социальной организации. Введенский же свидетельствует (*marturei*) о *непостижимом*, но и *незабываемом* – об *alytheia*, но не «по Хайдеггеру», а так, как определял ее св. Максим Исповедник.

Возвращаясь к анализу стихотворения «Сутки» в сделанных предположениях, мы обнаруживаем там и прямые «цитации» текстов Ницше – образы и детали *моря, рыбака, рыбы, весел* – все они

омонимичны терминам метафор, обычных для этих последних [13, с. 317]. Эти единицы лексического уровня поэтической речи связывают между собой и два стихотворения самого Введенского – «Значенье моря» и «Кончина моря». Обнаружение их связи в корпусе текстов поэта с третьим – «Сутками» – дает опору для более глубокого анализа этого лирико-философского комплекса. В стихотворении «Битва» есть все основания видеть в упоминающихся там *орле, осле, смешном человеке* (который *ходит с палкой по Памиру*) именно дискурсные трансформации семантических единиц текстов «Заратустры»; в последнем примере можно предположить тогда действие той *черной речки памяти*, упоминание о которой в тексте образует таким образом **метатекст**, авторефлексивную и автореферентную компоненту текста [16;19]. Введенский соединяет известные детали социокультурного контекста своего времени (дата написания – 1930 г.) и фрейм личной и групповой культурной памяти в точном следовании схемам, предлагаемым теорией порождения текста в дискурсе. Отметим некоммутативность операндов морфизма трансформации, то есть деталей и фрейма: именно их **порядок** отличает нонконформиста, хотя бы и не протестующего активно, даже от «попутчика», а тем более от адепта и от апологета. На этом примере в условиях принятой гипотезы связи можно сформулировать и конструктивную детализацию основного термина метапоэтики «чинарей»: «правильность = чистота порядка». Оппоненты Д. Хармса и А. Введенского, очевидно, хорошо чувствовали как раз эту «алгебраическую особенность» их сегментов в любом совместном дискурсе. В частности, известное взаимоотстранение Н. Заболоцкого и А. Введенского вряд ли имело только «бытовые корни» вышеупомянутая имманентность мистического у последнего относится к Бытию по С. Л. Франку, а у первого она «канонична» в качестве догмы натурфилософии. По отношению к Введенскому, таким образом, это выражение не является

еще термином, но для Хармса и Заболоцкого специализация значения лексемы уже необходима. Этим и отличается, как известно, ортодоксия от «смущений» реки времени – идиопэтика Введенского фундаменталистична без ангажирования самим фундаментализмом. В терминах дальневосточного культурного контекста она «осуществляет надеяние (у *вэй*), оставаясь естественной (*цзы жань*) и следуя человечности (*жень*)». Реалии биографии поэта – пребывание на китайском отделении восточного факультета Петроградского Университета – мотивируют включение этих концептов в многообразие области определения соответствующей характеристической функции. Но очевидно, что Введенскому достаточно было, во-первых, просто сохранять определенные семейные традиции в «черной реке памяти» и, во-вторых, быть восприимчивым участником разговоров своих друзей – учеников такого философа, как Н. О. Лосский.

На присутствие реальной оппозиции терминов «имманентное-трансцендентное» в глубинном семантическом уровне порождающей поэтики Введенского указывает стихотворение «Гость на коне», датированное 1931 – 1934 годами. Внешняя связь с нравившимся Ф. Ницше офортом Дюрера как будто отвергается первыми же строками: *Конь степной / бежит устало*, локализуя действие в другом топосе, но это может быть как раз объясняющей по Хомскому трансформацией исходного пункта порождения. В этом тексте присутствуют чуть ли не все лексемы, выделенные нами выше, и, таким образом, оно вступает с ними в диалог, находясь в одном дискурсе. Отметим и седьмую строку – третью фразу стихотворения: «*Вечер был.*», включающую «Гость на коне» в контекст «Суток». Там вечером «*Ещё раз /на бранном месте / где происходила битва / вновь опускается молитва*». Но в семантику молитвы **расстояние** (до адресата), появляющееся в «Госте на коне» как один из терминов, «иероглифов» идиолекта Введенского, может входить в модусе

как положительном (наличия), так и отрицательном (снятия). В этом тексте явно, повтором, выделен как раз положительный модус; заключительные строки «*Я забыл существованье, / я созерцал / вновь / расстоянье*» подчеркивают выделенность термина. Обратим внимание, с другой стороны, на фразу «*Он обратной рукою / показал мне – над рекою / рыба бегала во мгле, / отражаясь как в стекле*». Если воды (библейское **maim**) – море, река у Введенского связаны с семантикой первообразного Бытия, то *рыба*, олицетворяющая жизнь в мире (и суете: *мгла* есть вариант перевода термина **hevel** из Екклезиаста), действительно должна выйти из них, явиться в имманентном мире, должно быть расстояние между Бытием и Сущим.

Частной проблемой, но связанной с деталями поэтической семантики Введенского, является категоризация слова *нет* во фразе «*Нет я всё увидел сразу, / поднял дня немую вазу, / я сказал смешную фразу – / чудо любит пятки греть*». По синтаксической позиции это – прямое дополнение, поскольку в этом тексте налична пунктуация. Следовательно, *нет* есть имя существительное, абстрактное, поскольку никакая конкретизация помимо общеонтологической контекстом никак не предлагается. Все предшествующие перечисления и названия суть частные реализации этой абстракции (ср. известный термин «*Neti, neti*» индийской традиции). Но эта общеонтологическая абстракция, не теряя статуса (*чина*), становится у Введенского конкретным, данным в восприятии и поэтическим образом. Подчеркнутое структурой текста амбивалентное значение термина *конь*, который «*нестрашный*», и «*прост и ясен как ручей*», но тем не менее соседствует с *грехом*, за который лишаются всего – *воли, тела и ума* – снова образ соблазна пренебречь *расстоянием* между «простотой» и «правдой». Здесь возможна реплика Введенского в диалоге с Заболоцким, в произведениях которого этого периода «лицо коня» было устойчивым элементом идиосемантической системы.

Неисчезающее *Я*, как и в других произведениях Введенского, свидетельствует о **персоналистичности** его трансцендентализма. Необходимо обратить специальное внимание на инвариант сочетания «бессмыслицы» и персонализма в порождающей семантике Введенского, который в первую очередь и отличает его от других авторов круга ОБЭРИУ. Но в контексте истории культуры этим инвариантом Введенский сближен с Тертуллианом, который и сформулировал его эксплицитно: *credo, quia absurdum est*.

Расстояние оказывается метазнаковым термином этого инварианта, а несущие соответствующий «семантический множитель» комплексы – реализациями «узлов» дуальной структуры текст-метатекст.

В почти том же самом чистом виде, как в заключительных строках «Гостя на коне», этот инвариант представлен в последнем предложении последнего (10-го) разговора в драматико-поэтическом произведении конца 30-х годов «Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник)»: «*Первый. Тут я встал и опять далеко пошёл*». Анализируя это произведение подробно Я. Друскин не отметил удивительное совпадение состава «персон» разговоров – *Первого, Второго, Третьего* – с одним из вариантов названий составляющих триединства онтологической динамики Л. П. Карсавина [17, с. XXVI]. В этом произведении, как и в нескольких других, А. Введенский вводит в действие то «радикальное внедрение смерти в онтологию», которое развито в философском дискурсе Л.П. Карсавиным. Надо отметить и некоторые мелкие детали текстов Введенского, которые могут быть интерпретированы в предположении его знакомства с некоторыми обстоятельствами контекста жизни и деятельности Л.П. Карсавина – возможно, через устную традицию, связанную с кружками и объединениями первых послереволюционных лет. Так, загадочные *раки* в «Сутках» могут быть отзвуком какого-то варианта рассказа о «божьем

человеке портнихе Авдотье Ивановне», вошедшего в «Поэму о смерти» (изданную в 1929 году за рубежом, в Каунасе), а образ *мира – петуха* в поэме «Кругом возможно Бог» – иллюстрации Карсавиным иерархического единства мира: «...пасхальное яйцо, состоящее из многих включенных друг в друга яиц». Но характерно отличие стиля Введенского от подчеркнутой экспрессии Карсавина (вероятно, отразившейся и в некоторых стихах Н. Заболоцкого эпохи «Столбцов»); несмотря на возможный эксперимент с концепцией «симфонической личности», Введенский остается «естественным персоналистом». Это и чувствовал Заболоцкий, разъясняя отсутствие «настоящей бессмыслицы» в стихах товарища.

Отметим попутно вхождение того же «иероглифа» для символического концепта, денотируемого лексемой *шуршать* в отрывок Д. Хармса, относящийся к тем же годам: *Бегут задумчивые люди / Куда бегут? Зачем спешат? / У дам раскачиваются груди, / У кавалеров бороды шуршат* (1933 – 1936 г). Кроме этого, соответствующая лексема использована Хармсом ещё 3 раза, в частности, в богатой и сложной, по характеристике Ж.-Ф. Жаккара, балладе «Хню»: *«Хню шла вперед и только отчасти / скользила кверху гибким станом. / Сел свет, рек звон, лесов шуршание / ежеминутно удалялись. / Хню пела»*. ... (1931 г). Важным для интерпретации моментом надо полагать сохранение у Введенского **различения** терминов *шуршать* и *шуметь*, видное как раз в сопоставлении с этим текстом Хармса последних строк стихотворения «Сутки»: *«Сутки прошли. / Зашумела листва»*.

Некоторые приемы Введенского, внешне выглядящие как чисто стилистическое «снижение» пафоса традиционных тем, должны быть рассмотрены в качестве вариации «иероглифа» основного инварианта – субъектно отнесенного расстояния. Таковы, на наш взгляд, его известные строки из «Минина и Пожарского», «Куприянова и Наташи», из

упомянутых «Разговоров», и т. п., где эксплицируется «гендерное расстояние». В связи с этим инвариантом можно ввести «симптом» его в виде «препятствий», определяемых экзистенциально, внесубъектно; они образуют некоторый порядок, верхняя граница которого задана словами последнего «Разговора»: *«Ничего не мог я понять»*. Но **неисчезающий** субъект лирического начала сохраняет **интенцию** дальнейшего движения и в этой крайней точке очерченного маршрута. Термин «препятствие» вводится в трактатах Д. Хармса середины 30-х годов явно; Введенский же **моделирует** в поэтических текстах семантическими структурами ситуаций понятийные конструкции того же дискурса.

Гипотеза о возможной включенности философского дискурса Л. П. Карсавина в контекст герменевтики произведений А. Введенского продуктивна подобно тому, как продуктивна опора на дискурс буддийской философии в интерпретации произведений Дж. Д. Сэлинджера, что продемонстрировала в известной работе И. Л. Галинская [18]. Конкретной семантикой неожиданно наполняются компоненты текста, которые обычно трактуются как примеры чистой техники и языковой игры. Рассмотрим фразу из «Гостя на коне»: *«Боль мою пронзила кость»*. Технический эффект синтаксической амбивалентности здесь, несомненно, предусмотрен – поэт нашел лучший вариант, чем хрестоматийное *«мать любит дочь»*. Но при выборе в «мерцающей» категоризации элементов этой фразы в качестве подлежащего первого существительного (*боль*) мы получаем только тривиальное семантическое значение интенсивного качества, замкнутое в переживании лирического субъекта и обращающееся к чувству субъекта восприятия. В случае же выбора в качестве подлежащего *кости* аппеляция происходит к зрению читателя; возникающая картина нестандартна – что он и ожидает в контексте «бессмыслицы» и ведет к невольной – навязываемой текстом – объективации *боли* не как чувства, а как внешнего – хотя и *моего* – предмета окружения. Но, по Карсавину,

личное существование, **здесь-бытие**, является *мукой* на первом этапе мировой динамики, но выход, преодоление этого состояния является глубинной, остовной («скелетной») ее универсалией. В наглядном же представлении выход из топоса («подпространства») может быть только по трансверсальной, то есть выводящей из данного подпространства, перпендикулярной к нему траектории движения. Мы обнаруживаем в тексте встроенный в него иконический знак – образ – означаемого, дополнительный к стандартному семантическому представлению. Текст не означает вне себя, а несет в себе свой денотат – еще одна вариация придания тексту аутореферентности; отметим здесь действительное превращение «слова в предмет», в соответствии с известной декларацией Введенского в стихотворении «Ковер Гортензия», которое он сам характеризовал Я. Друскину как «философский трактат». Действительно, слова текста являют нам объективно сущий предмет – трансверсаль, крест как математическая формула являет сущую реальность – истину – в «платонистской» трактовке математики [20, с. 87 – 89]. Поскольку поэт действительно не ставит никакого внешнего задания для своего текста, не предполагает никакого его смысла, текст только **содержит**, но не означает и не изображает – совершенно также, как и данная нам реальность Бытия (ср. повтор в начальной и последней строках стихотворения «Кончина моря»: *«Морской бес. и море ничего не значит; ... Море. Я так же ничего не значу»*). Отношение содержания моделирует кантовское отношение «вещь для нас – вещь в себе», но Введенский не пересказывает его, а непосредственно вручает слушателю или читателю, предлагая ему проделать все этапы познания по Канту, с чувственной апперцепции текста через рассудочное построение системы «сталкивающихся сущностей» в априорных формах созерцания языка. Трансцендентально достигаемый в пределе трансцензус – невыразимое «непонимание» – есть бытие разума, *docta ignorantia* Николая Кузанского и С. Л. Франка [21]. Метафизика,

изложенная С. Франком в его книге «Непостижимое» [22], оказывается не просто составляющей дискурса, но и глубинной семантикой творчества и соответственно необходимым, аутентичным и адекватным философским аппаратом герменевтики А. И. Введенского.

Литература

Тексты А.И. Введенского приведены по изданию:

А. Введенский. Произведения в двух томах. М.: Гилея, 1993.

Тексты Д. И. Хармса цитируются по указанной ниже публикации В. Н. Сажина (12), т. 2.

1. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский сборник научных статей. – Вып. 1 / Под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Пятигорский Государственный лингвистический университет, 2003. С. 26 – 40.
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2003.
3. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 3 т. – М.: Республика, ТЕРРА, 1997.
4. Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. – М.: Республика, 2003.
5. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. – Ленинград.: Прометей, 1991.
6. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995.
7. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер с фр. Ф.А. Перовской. – СПб.: Академический проект, 1995.
8. Кобринский А.А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда XX века. В 2 ч. – М.: Издательство Московского Культурологического лица, 1999.
9. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. / Пер. с нем.; Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. – М., Мысль, 1990.
10. Силантьев А.Н. «Который час? Тринадцать бьет...» Концепты и структуры смысла А.И. Введенского // Альманах «ТЕХSTUS». Вып. 4 – Узоры ковра. Ч. 1, Санкт-Петербург – Ставрополь, 1999. С. 110 – 116.
11. Друскин Я. Материалы к поэтике Введенского. В Интернете: <http://vvedensky.by.ru>.
12. Друскин Я. Стадии понимания // «... Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. – М.: Ладомир, 2000. – т. 1. С. 416 – 428.
13. Галеви Д., Трубецкой Е. Фридрих Ницше. – М.: Эксмо, 2003.
14. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Издательский Центр «Академия», 1995.
15. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада - ИНИОН, 1996.
16. Штайн К.Э. Метапоэтика: «размытая» парадигма // Текст. Узоры ковра: Сборник статей научно-методического семинара «ТЕХSTUS». Вып. 4. Ч. 1. – СПб. – Ставрополь, 1999. С. 5 – 14.
17. Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. – М.: Ренессанс, 1992. С. V-LXXIII.
18. Галинская И.Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986.
19. Друскин Я. Звезда бессмыслицы / «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2 т. – М.: Ладомир, 2000. Т. 1. С. 323 – 416.

20. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
21. Карпакова О. Философия Н. Лосского и поэтический язык «обэриутов». В Интернете <http://kogni.narod.ru/oksana.htm>.
22. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990.